

Этнографические музеи сегодня

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Этнографические музеи (впрочем, не только этнографические) находятся сейчас в непростой ситуации. Их коллекции всегда служили двоякой цели: выставлялись для посетителей, которые интересовались культурным прошлым разных народов, и являлись важнейшим источником для исследователей этих культур. Сейчас интересы исследователей переместились из прошлого в настоящее, а посетители имеют гораздо больше других возможностей познакомиться с интересующими их культурами. Не случайно все чаще и в самых разных контекстах возникает тема кризиса музейного дела. В этой связи редколлегия журнала сочла необходимым обсудить следующие вопросы.

1

Многие этнографические музеи в разных странах в настоящее время заняты поиском новых форм и способов привлечения посетителей (реконструируются здания, создаются новые экспозиции). В чем причины этих изменений? Носят ли они технологический характер или вызваны необходимостью кардинально изменить принципы экспонирования, сменить (полностью или частично) профиль музея, его название, культурно-образовательную и со-

циальную миссию? Не являются ли эти изменения свидетельством кризиса этнографических музеев? Если да, то в чем Вы видите причины этого кризиса?

2 Любые изменения принципов экспонирования, а тем более тематики и содержания экспозиций являются следствием осмысления реакции посетителей на выставленные музейные материалы. Как Вы полагаете, что ожидают и хотят увидеть различные группы посетителей в этнографическом музее? Остается ли актуальным показ на экспозициях материалов, характеризующих культуры различных народов мира в прошлом (их верования, занятия, образ жизни)? Может быть, следует больше внимания уделять различного рода трансформациям традиционных культур в современном мире, проблемам глобализации культурного пространства, ситуации мультикультурализма конца XX — начала XXI в.?

3 В последние годы появилось несколько новых музеев, основу которых составляют большие коллекции по этнографии народов мира, но принципы показа этих коллекций совершенно иные по сравнению с теми, которых придерживаются «старые» музеи. Несколько примеров: В Национальном музее американских индейцев в Вашингтоне предполагается частая смена основных экспозиций. С момента открытия зритель может увидеть такие выставочные проекты, как «Наши вселенные: Традиционное знание формирует наш мир» (*Our Universes: Traditional Knowledge Shapes Our World*), «Наши народы: Познакомимся с нашей историей» (*Our Peoples: Giving Voice to Our Histories*), «Наш образ жизни: Современные общности и идентичность» (*Our Lives: Contemporary Life and Identities*). Второй пример — Музей мировых культур в Гетеборге, где полностью отказались от постоянных экспозиций. В настоящее время в этом музее можно увидеть два основных выставочных проекта «Горизонт: голоса Африки от прошлого к глобализации» (*Horisonter:Voices From a Global Africa*) и «Нелегальная торговля людьми» (*Trafficking*). Третий пример — Музей на набережной Бранли в Париже, лишь в подзаголовке названия которого обозначено, что это Музей искусств и цивилизаций Африки, Азии, Океании и Америки. И в этом музее большая роль отводится временным выставкам, а постоянная экспозиция построена как показ шедевров традиционного искусства неевропейских народов. Случайны ли эти совпадения, или мы имеем дело с определенной тенденцией? В чем Вы видите причины таких новых подходов к экспонированию этнографических коллекций?

4 Какое будущее, по Вашему мнению, ждет этнографические музеи?

Этнографические музеи представляют собой не только банк духовных и материальных ценностей общества, но и механизм их сохранения. Именно благодаря музеям стало понятно, что самым эффективным способом сохранения культурного наследия является информация. Умение собирать, организовывать, хранить, умножать и распространять эту информацию — крупнейший вклад музеев в развитие человечества, в процесс познания. Пора воспринимать музеи как хранилища как материальных, так и нематериальных памятников. Хотелось бы, чтобы государства понимали, что заботиться о развитии музеев следует не только для утверждения собственных политических интересов, что эти меры необходимы как интеллектуальные и культурные инвестиции в развитие народов. Если ситуация будет складываться таким образом, то музеи смогут не только отражать состояние своего общества, но и служить яркими указателями на дороге его развития. Храня коллекции прошлого, они смогут конструировать будущее.

ОЛЕГ ЛЫСЕНКО

Как показали доклады и их обсуждение во время работы «Круглого стола» на секции «Этнографическое музееведение» на VI Конгрессе этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 28 июня — 2 июля 2005 г.), на современном этапе доминируют взгляды на музей как социальный институт, включенный в информационные и коммуникационные стратегии постиндустриального общества потребления. Эта социальная доминанта определения феномена музея в среде культурных антропологов кажется не совсем естественной, даже парадоксальной, учитывая их стремление к максимально полному, целостному, интегрированному описаниям пространства этнической культуры.

Для этнолога с большим музейным стажем музей, несомненно, является фактом культуры, и музеолог — это прежде всего исследователь предметного мира культуры. В курсе лекций по концептуальному пространству музея уже более 15 лет мне приходится напоминать студентам, что нам известны бесписьменные культуры, но неизвестны

**Олег Викторович
Лысенко**
Российский этнографический
музей, Санкт-Петербург

беспредметные. Человек всегда существует в организованном пространстве, и правила его построения он естественно экстраполирует в иные области своей деятельности. Музейная экспозиция понимается нами как естественный текст, его структура подчинена логике освоения мира. Столь важные и постоянно декларируемые социокультурные функции музея лежат в области коммуникации, в то время как объект культуры существует независимо от попыток интерпретации его текстов современными читателями, плохо знающими язык вещей и с трудом владеющими грамматикой предметного кода. В этом смысле музей имманентно присущ культуре. Он не только связан с универсальными моделями трансляции и сохранения наследия, но и сам является его частью.

Современные дискуссии относительно кризиса социальных функций музея, кризиса музея как мировоззрения и т.д., по сути, отражают кризис в головах культуртрегеров. Проблема лежит не в музеологической плоскости, а в нашем отношении к культурному наследию, которое в отличие от музея постоянно меняется. В том числе актуальность культурного наследия определяется и уровнем устойчивости этнических стереотипов конкретного общества. Этот уровень присутствует всегда либо в явной форме традиционалистских обществ, либо в латентной так называемых цивилизованных обществ, меняя лишь коммуникационные стратегии. Современный кризис музея, по сути, это состояние, которое переживают фактически все традиционные институты, обеспечивающие трансляцию культурного наследия, оказавшиеся вовлеченными в тотальное потребление, к которому они пытаются адаптироваться. В этой ситуации музеи берут на себя несвойственную им функцию управления культурными процессами и активного вовлечения в рынок симулякров, что претит их природе. Главное непонимание развития и роли музеев заключается в том, что большинство смотрят на них как на институт, хранящий культурные ценности. Очень важно понимать, что в охране нуждаются не культурные ценности, которые хранят музеи и которыми пытаются манипулировать современные менеджеры, а сами музеи как естественно сложившиеся объекты культурного наследия.

Музей как организованное пространство, в котором конструктивными элементами оказываются вещи, ценен сам по себе. Любое вторжение в это пространство или концептуальное воздействие на музей как мироощущение оказывается фактом культуры, а не продуктом культуртрегерской деятельности.

Культурное наследие не может быть продуктом на рынке. Стратегия ритуального, символического обмена — вот что лежит в природе его функционирования, востребованности как меха-

низма коммуникации. Своеобразие функции музея состоит в том, что транслируемая им во времени и пространстве информация в любых формах должна быть обязательно востребована. Если этого не происходит, его коллекции постепенно утрачивают свой потенциал и превращаются в груды бессмысленных предметов. Это своеобразный парадокс актуальности культурного наследия требует специальных подходов и иных потребительских моделей, чем те, которые нам предлагает современная экономическая стратегия. Музейными ценностями нельзя торговать как нефтью или газом, это не сырье. Подобные подходы, однако, мы можем наблюдать в бурно растущей выставочной деятельности, преследующей наряду с научными и просветительскими целями и коммерческие задачи. Музеи не могут «зарабатывать деньги», к чему их призывают новоиспеченные менеджеры. Тем более в России и Санкт-Петербурге, где большинство музеев являются государственными учреждениями. Здесь следует понимать, что культурное наследие должно развиваться в ситуациях рынка по иным законам, чем торговля природными ресурсами, которые по большей части невозможны. Специфика воспроизводства культурного наследия состоит в том, что чем больше мы его используем по прямому назначению, тем больше его становится.

Еще один важный аспект — это явление коммуникационного кризиса в музейной сфере, который отнюдь не сводится к системе взаимодействия с новыми категориями социальных партнеров и инвесторов, а прежде всего имеет место в отношениях между музеями и их посетителями, между музеями друг с другом, между музейными профессионалами, работающими в разных музеях, и даже между ближайшими коллегами, принадлежащими разным поколениям или работающими в разных отделах одного музея. Отсюда проистекает множество более частных проблем музейной жизни, таких как падение посещаемости музеев, диспропорции в развитии музейной сети (появление музеев-двойников, музеев-суррогатов, различного рода квазимузеев — музеев без фондов, музеев без посетителей, экспозиций без музейных предметов). Очевидно, что новые коммуникационные технологии представляются наиболее перспективным средством решения отечественными музеями комплекса проблем, свойственных переходному постсоветскому периоду.

Изменяют ли эти технологии существо этнографического музея как пространства, сохраняющего естественные механизмы передачи культурного наследия? Сможем ли мы вступить в диалог с произведениями великих художников на мониторах компьютеров или их изображения так и останутся лишь визуальной информацией? Полагаем, что нет, они по-прежнему

останутся в области интерпретаций и аналитических стратегий, столь необходимых для поддержания культурного диалога в динамично развивающейся информационной цивилизации.

Весьма показательна история формирования коллекций этнографического отдела Русского музея Императора Александра III. Их значение в конце XX — начале XXI в., когда этнографическая реальность кажется практически исчезнувшей, возрастает и приобретает иное значение, чем в то время, когда эти коллекции формировались. Музейные собрания оказываются полноценным источником, дополняющим и отчасти позволяющим переосмыслить этнографическую реальность, описанную на уровне ее существования в конце XIX — начале XX в. Спустя сто лет мы понимаем, что определение традиционной культуры как базовой категории этнографической науки есть результат осмысления реальности XIX—XX вв. В это время культура оказалась наиболее полно описана, зафиксирована, но этнографические реалии стали своеобразным эталоном, исходя из которого этнографы строили свои интерпретации, типологические схемы и методики исследования народного быта — *«идеального образа жизни крестьян»*. В настоящее время эта система представлений претерпела существенные изменения, уровень эмпирических описаний и сравнительно-исторических интерпретаций этнографических фактов малопродуктивен, современное осмысление этнокультурных традиций требует новых комплексных методов и подходов. В этой ситуации этнографические работы XIX — начала XX в. переосмысливаются, приобретают не только источниковедческий аспект, переходят в область истории науки на уровне анализа фактов, обладающих вечной ценностью в качестве информационного источника, но требующих новых интерпретаций. Музейные коллекции, их информационная ценность, наоборот, кажутся незыблемыми, константными. Однако в реальном процессе изучения и познания обнаруживается диалектика их бытия в недрах музея как целостного самостоятельного информационного пространства. Сейчас мы в полной мере осознаем, что в основном эти коллекции были собраны исследователями, которые имели собственные представления об этнографии, свои методики, и собранные ими материалы, отражая общие тенденции, пронизаны духом субъективности или, точнее, индивидуальности. При наличии общей Программы [Программа 1903] каждый собиратель ее интерпретировал и использовал в соответствии со своими научными задачами и исследовательскими пристрастиями. Эти пристрастия отражали научную интуицию исследователя, которая соответствовала общей научной картине. В этом смысле Программа является инвариантной моделью, отражающей объек-

тивный уровень развития науки, который представлен совокупностью вариантов конкретных исследований. В музейном собрании очевидна неравномерность коллекционного ландшафта, кажущаяся полнота собрания на деле выявляет лакуны, происхождение которых далеко не случайно, а связано с установками каждого исследователя, какие бы общие задачи по системному сбору ему ни задавались.

Этнографические экспозиции — это прежде всего моделирование этнокультурного пространства. Собираение коллекций как извлечение объектов из культурного контекста бессмысленно без их включения в новый контекст, без использования их для построения нового текста, что в свою очередь невозможно без научного описания, интерпретации музейных объектов. Экспозиция и выступает в качестве такого текста, организованного из бессмысленных, с точки зрения прагматики, вещей — «уставших артефактов», извлеченных из реального контекста культуры.

Оказавшись в музейной коллекции, вещи продолжают жить своей собственной жизнью, вступают в отношения с другими музейными объектами, и нам порой приходится заново производить раскопки в поисках тех смыслов и значений, которые привели их на полки хранилищ. Музейный предмет — это прежде всего объект культуры, хранящий воспоминания о своем собственном опыте. В музее вещь становится самодостаточной. Что восхищает нас при экспонировании треснувшего горшка? Контекст или сохранившаяся форма? Совершенство мастера или возможность прикоснуться к исчезнувшей культуре, заглянуть за полог ускользающей реальности?

Экспозиции музеев как сфера научно-просветительской деятельности представляют объекты культуры, интерпретированные с учетом доминирующих научных теорий, с их помощью создается новая реальность, преломленная сквозь призму нашего концептуально организованного опыта. С точки зрения логики развития музея как феномена культуры, экспозиция — это опыт его самоописания. Музей порождает тексты, выходящие за границы его собственной компетенции — семантической структуры и заданной коммуникативной модели. Музей как пространство культуры, порождающее новые смыслы, оказывается инструментом конструирования мифологического дискурса.

Модели коммуникации в архаичных культурах или обществах традиционного типа были организованы как системы ритуалов. Их смысл во многом утрачен для современного человека, а сохранившиеся формы представляются ему изжитыми, околками бессмысленной экзотики исчезающей эстетики. Мы

с трудом можем понять логику ритуалов добывания священного огня при помощи трения деревянных брусков или смысл ритуального приношения хлебов, разбивания посуды в свадебном ритуале. В то же время нам не кажется парадоксальным незнание схем и логики построения моделей современных средств коммуникации — компьютеров, телекоммуникационных сетей, которым мы доверяем информацию и отдаем приоритет в диалоге. Насколько точно они передают информацию? Не создает ли избыточность коммуникационных форм ситуацию эпистемологической катастрофы?

Посещение краеведческих и школьных музеев в населенных пунктах от Тобольска до Салехарда в рамках комплексной программы исследования межэтнической коммуникации и сохранения локальных этнокультурных традиций неожиданным образом обнажило важную проблему — принципиальное отличие в стратегии восприятия музейного пространства автохтонным населением. В частности, ханты воспринимают как сакральные объекты не только экспонаты в этнографической экспозиции, но и чучело медведя в разделе «Природа края» (пос. Октябрьский), которому совершают ритуальные приношения. Русское население так же воспринимает православные святыни — иконы в экспозиции как сакральные объекты. Приходя в музей, женщины покрывают головы платками и читают молитвы, соотнося экспозиционный комплекс с церковным алтарем или традиционным «святым», красным углом в доме. Механизмы музейной коммуникации оказались органично связаны с традиционной системой восприятия мира, в сущности, на музейные объекты экстраполируется модель ритуальной коммуникации.

С нашей точки зрения, в этой ситуации музейное пространство интересно для этнографа настолько, насколько провоцирует реакцию архаичной традиции на новации — актуальную мировоззренческую систему. В данном случае мы наблюдаем семантическую инверсию, предмет в экспозиции — «новой реальности» — остается для носителя традиционной картины мира по-прежнему сакральным, сохраняя традиционные смыслы и модели коммуникации, определяющие стратегию его поведения в музейном пространстве. Семиотические функции музейного пространства — этнографической экспозиции реализуются посредством сосуществования двух параллельных семантических систем — научного/музеологического метатекста и этнокультурного контекста, архаичной традиции, представляющей, по сути, универсальные архетипы обыденного сознания.

В архаичных культурах ритуал воспроизводит исчезающие формы культуры не только с целью сохранения и поддержания

традиции. Само воспроизведение является условием ее существования. В этом смысле реконструируемые формы в ритуале оказываются опытом самоидентификации культуры. Реконструкция является не только операцией по восстановлению исчезающих форм, но и неотъемлемой частью культуры, ее внутренним механизмом, обеспечивающим адаптационные процессы самоидентификации явлений культуры и человека в постоянно изменяющемся пространстве. В этом отношении можно сказать, что функция этнографического музея и опыт научного исторического мышления обращаются к методам реконструкции явлений и событий (в частности, создание музейных экспозиций), по сути, восходят к традиции ритуальных практик.

С этой позиции объектом этнографического исследования в музеях оказывается не этнос, а этнокультурные традиции — внутренние механизмы регуляции межпоколенных связей, обеспечивающие устойчивость этноса как социального организма.

В этнографических реалиях конца XIX — начала XX в. традиционная картина мира проявляется прежде всего в «ритуальных формах поведения», правилах конструирования ритуальных объектов, а также в других семиотических функциях объективированных форм культуры. Речь идет о категории сакрального и его отражения в ментальности этноса применительно к среде обитания человека. Сакральное постоянно дрейфует в пространстве культуры, подчиняясь, однако, правилам его конструирования и интерпретации в алгоритме традиции.

В этнографических экспедициях, при посещении музеев мы можем наблюдать, что отношение к традиционным предметам остается и в наши дни вариативным. Свидетельств этому достаточно. В музейном пространстве икона может включаться в самые разнообразные экспозиционные комплексы. Вариации на заданную тему могут колебаться от традиционных искусствоведческих концепций, систематизирующих их по хронологии, школам иконописи, иконографии, до мемориальных экспозиций исторических музеев, где иконы могут оказаться в одном ряду с личным оружием, одеждой экспонируемой персоны. Очевидно, что во всех этих случаях икона как сакральный предмет и культурный символ утрачивает значительную часть своего семантического богатства. Можно привести пример экспозиции «малых голландцев» в Государственном Эрмитаже, которая организована по хронологическому принципу и представляет шедевры живописи. Очевидно, что эти произведения не всегда были шедеврами, достойными нашего восхищения — в свое время они висели в гостиных,

спальнях обычных обывателей. Собрание Эрмитажа, располагающее прекрасной коллекцией мебели этого периода, вполне позволяет восстановить интерьер и разместить их в естественном пространстве, этнокультурном контексте. Так бы поступил, вероятно, этнографический музей, реконструирующий структуры повседневности, но это не задача художественного музея, где доминируют иные концепции. Можно сказать, что искусствоведческая парадигма разрушает этномузеологический дискурс. В то же время концептуальная выставка аутентичного искусства австралийских аборигенов, состоявшаяся в Государственном Эрмитаже, а не в этнографическом музее, потребовала совершенно иных экспозиционных решений и на уровне концепции (структуры), и на уровне дизайна (целостного визуального образа).

Таким образом, музей как феномен культуры имманентно присущ освоенному человеком пространству. Я бы сказал, что это один из способов укрощения реальности. Прошлое преследует человека. Утратив границы, оно нуждается в ясных горизонтах и четких очертаниях. Так возникает музей — модель прошлого, которое открывается перед нами в вещах и исчезнувших формах. Если прошлое преследует нас, мы идем в музей и ищем ответы на встающие перед нами вопросы. В этом отношении экспозиция музея — это арена, где выступают «прирученные» вещи из прошлого опыта — опыта, не принадлежащего нам. Что же вызывает в них интерес? Попытка узнать опыт наших предшественников, разглядеть исчезнувшие предметы или возможность остановить время, продлить реальность? Вероятно, все вместе имеет смысл.

Библиография

Программа для собирания этнографических предметов. СПб., 1903.

ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ

**Игорь Валерьевич
Мельников**
Государственный
историко-архитектурный
и этнографический
музей-заповедник «Кижы»

1 Я согласен с тем, что современный музейный мир переживает существенные перемены. Однако я не склонен употреблять понятие «кризис» применительно к этому процессу. Все перечисленные в первом вопросе изменения, характерные для этнографических (и не только) музеев — реконструкции зданий и создание новых экспозиций, изменение названия, принципов экспониро-